

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 3, Is. 1, pp. 15-26, 2015

DOI: 10.13187/ejpr.2015.3.15
www.ejournal17.com

UDC 1

Evolution of the Concept "Nation" and its Modern Interpretations

Yury D. Granin

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academies of the mediaindustry,
Russian Federation
PhD, Prof.
E-mail: maily-granin@mail.ru

Abstract

The article analyzes the evolution of the concepts of "ethnicity" and "nation" in the history of European philosophy and science XVII - early XX centuries, reveals the philosophical foundations and research paradigms of the concept's origin and evolution of ethnic groups and nations. In the article are analyzed in detail naturalistic (primordialist), anthropological, political, sotsientalny (in its socio-economic and cultural versions), subjective-symbolic and ethno-symbolic approaches to the study of ethnic groups and nations, its advantages and disadvantages. The author pays special attention to criticism of a paradigm of modern "strategic relativism", which adherents (R. Brubeyker, K. Verderi, F. Cooper, etc.) suggested to refuse the concept "nation".

Keywords: anthropology; nation; ethnos; philosophy; ethnopsychology.

Основное содержание. Широко используемые в социальной философии, социологии, политологии, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии и ряде других научных дисциплин, категории «нация» и «этнос» до сих пор не имеют одного – общепринятого – содержания. Это обусловлено не только спецификой предметной области и категориального аппарата наук, но и в значительной мере связано с культурно-исторической эволюцией обывденного и научного употребления этих терминов, отголоски которого можно найти во многих профессиональных и околону научных текстах.

Термины «этнос» и «нация» восходят к разным языкам и имеют разную историко-научную судьбу. Если «этнос» образован от древнегреческого *ethnos* (народ) и в качестве специального понятия вошел в язык европейской науки лишь во второй половине XIX столетия, то «нация» (от лат. *patio*, которое в свою очередь восходит к *nasci*, что означает «рождаться») активно употреблялось еще историками и писателями Древнего Рима. После распада великой Империи многочисленные племена и народности, входившие в империю Каролингов (обитатели Иль де Франс, Пуату, нормандцы, бургунды, лотаринги, бретонцы, франки, баварцы, саксы и др.) еще долго после ее распада именовали себя «нациями», по сути не будучи таковыми. Например, в акте коронации Оттона III (995 г.) говорится о том, что коронация имела место с согласия не германской нации, а римлян, франков, баваров, саксов, эльзасцев, швабов и лотарингов.

В позднем средневековье *patio* наполняется новым содержанием. Так, в средневековых университетах говорят о нациях, уже понимая под ними студенческие корпорации, то есть своего рода землячества. Студенты были разделены на «*nationes*» по совершенно

произвольному принципу. В Пражском университете, например, было четыре «нации»: чешская (богемская), саксонская, баварская и польская, причем немецкие студенты составляли во всех нациях, кроме чешской, большинство. Даже церковные соборы, как отмечают исследователи, расчленились на «nations». На Констанцском соборе (1414–1418), например, все присутствующие были разбиты на четыре нации: итальянцев, французов, англичан и немцев, чтобы помешать численно превосходящим итальянцам получить перевес при голосовании. К «Natio germanica» на Констанцском соборе принадлежали также поляки, шведы, чехи, далматинцы и другие народы. На «нации» разделялись и религиозные ордена (мальтийский и иезуитский), и купеческие союзы, и многие другие корпоративные организации. «При этом, - отмечает Ю. Хабермас, - приписываемое другим национальное происхождение с самого начала связывалось с негативным отграничением Чужого от Своего» [22, с. 204].

Таким образом, даже в первом приближении краткий обзор поля употребления слова «нация» в раннем и позднем средневековье свидетельствует о том, что содержание этого термина разительно отличалось от его современных значений. Будучи первоначально используемым для обозначения христианских народов и народностей, Natio в позднем средневековье и эпоху Возрождения преимущественно употреблялось уже как термин, содержащий корпоративно-организационный смысл.

Это, разумеется, не случайно, ибо язык всегда социально обусловлен и референтен. Будучи отображениями структур внешней человеку природной и социальной реальности, слова и выражения, в свою очередь, «погружены» в реальность человеческого (социокультурного) бытия и таким образом зависимы от его структурных связей. Проще говоря, эволюция значения термина «нация» в средние века соответствовала эволюции европейского общества того времени с характерным для него корпоративным (цеховым и сословным) социальным строением и политическим устройством – разделением на многочисленные феодальные государства. Последние, в силу феодальной раздробленности, не только не способствовали интеграции проживающих на их территориях многочисленных этносов и этнических групп в устойчивые социально-политические образования, объединенные общностью языка, культуры, политической и хозяйственной жизни, а наоборот препятствовали такой – национальной – интеграции. Поэтому дальнейший этап эволюции представлений о том, что есть «нация», был исторически связан с переходом в сфере экономике к капиталистическому способу производства материальных благ (в другой терминологии – к «индустриальному обществу»), а в сфере политики – с процессом формирования в Европе крупных централизованных абсолютистских и буржуазно-демократических государств, с течением времени объединивших на своей территории все многочисленные этносы и этнические группы в относительно культурно и политически гомогенные общности, названные потом «нациями».

Оставляя в стороне эволюцию употребления термина нация в европейских языках, следует иметь в виду, что уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и становящихся социальных наук в общих чертах сформировались по меньшей мере четыре теоретических подхода, в пределах которых в XVII–XVIII веках исследовались проблемы формирования и развития «народов» (наций): *натуралистический* (Ж. Боден, Ш. Монтескье) *антропологический* (в его культурной и естественнонаучной версиях – Дж. Вико, И. Кант), *социоэкономический* (А.Р. Тюрго, А. Фергюссон, А. Барнав, Ж. Кондорсе) и *политический*, выдающимся представителем и одним из основоположников которого был Г.В. Гегель. Остановимся подробнее на основных моментах его политической философии.

Последняя, естественно, базируется на его философии истории, согласно которой вектор исторического развития человечества задан эволюцией «мирового духа», реализующего себя в различных формах «народного духа». Каждая нация у Г. Гегеля характеризуется особой степенью развития народного духа, который, проявляясь в определенных формах, «есть определенный дух, создавший из себя наличный действительный мир, который... существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах» [4, с. 71]. Это, по Г. Гегелю, превращает нацию в явление вечное, существующее и оказывающее свое воздействие в течение всей истории человечества, поскольку вся история есть дело «мирового духа» и «народных духов».

Народ, нация как духовный индивид, у Г. Гегеля сочленяется в единое целое – государство, и всеобщность духа народа приобретает в государстве свое бытие и действенность: «То общее, которое проявляется и познается в государстве, та форма, под которую подводится все существующее, является вообще тем, что составляет образование нации. А определенное содержание, которому придается форма общности и которое заключается в той конкретной действительности, которую является государство, есть сам дух народа» [4, с. 48]. Следовательно, «государство» и «нация» есть две противоположности, которые взаимно определяют друг друга. Термины «народ» и «нация» в ряде случаев используются Гегелем как взаимозаменяемые. И в отношении «народа» («нации») определяющая роль государства состоит в том, что именно оно конституирует «агрегат частных лиц» в собственно «народ». «Дело в том, - пишет Гегель, - что агрегат частных лиц часто называют *народом*; но в качестве такого агрегата он есть, однако, *vulgus*, а не *populus*; и в этом отношении единственной целью государства является то, чтобы народ *не* получал существования, не достигал власти и не совершал действий *в качестве такого агрегата*. Такое состояние народа есть состояние...неразумия вообще» [5, с. 360-361].

Таков, в самых общих чертах, философский взгляд Гегеля на диалектику «нации» и «государства», представленный великим мыслителем в «Философии духа» и «Философии истории». И если бы он ограничился только им, его трактовка роли государства в образовании наций немногим отличалась бы от интерпретаций его предшественников и современников. Но в своих политических произведениях он столь успешно конкретизировал процесс образования немецкой нации, что его трактовка и по сей день остается крайне интересной.

Прежде всего, заслуживает внимания то, что существование «нации» Гегель связывал не с любым государством, а государством имперским. Беря за основу историю «германского народа» со времен Священной римской империи, он, в своей «Конституции Германии», интерпретирует ее как распад некогда единой германской «нации-государства» на множество современных ему «бюргерских» государств, в которых некогда единый германский народ рискует (благодаря «бюргерскому сословию») утратить, кроме политической, еще и общенациональную – культурную – идентичность. Уже сейчас, констатирует Гегель, многочисленные немецкие государства и их сословия существенно отличаются друг от друга по формам правления, по своим «нравам», «образованию» и «диалектам». Подобная политическая и культурная «гетерогенность» важнейших национальных элементов далее нетерпима. И может быть преодолена в процессе добровольного объединения разрозненных немецких монархий и номинально свободных имперских городов в единое германское государство, силу которого должны обеспечить общее для всех правительство и армия. Правда, замечает Гегель, такие радикальные преобразования, даже если они осознаются, почти никогда не бывают следствием логического вывода. Для них нужна сила принуждения. «Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат Германии» [6, с. 176].

Как известно, начатая Гегелем в 1798 году «Конституция Германии» впервые была опубликована лишь в 1893-м – спустя почти 20 лет, как Бисмарк железной рукой завершил объединение немецких государств почти в полном соответствии с рекомендациями Гегеля: философа, который дал первый эскизный теоретический проект «нации-государства».

Таким образом, уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и науки был сформирован комплекс знаний об эволюции народов (в современной трактовке – «этногенезе») и выявлены основные группы факторов, сплачивающие людей в устойчивые коллективы (общности). Климат, ландшафты, территория проживания, язык, хозяйственно-экономические связи, культура, особенности характера, восприятия и мышления – общность одного или нескольких из этих признаков позволяет, по мнению мыслителей того времени, во-первых, объяснить происхождение и развитие народов от «дикости» к цивилизованному состоянию (с характерным для последнего государственным способом бытия), а во-вторых, - отделить один народ от другого. Ведь все перечисленные объективные

и субъективные факторы – то, что, с одной стороны, объединяет людей в «народы» и «нации», а с другой, – отличает народы и нации друг от друга.

Правда, в качестве особой теоретической проблемы вопрос о содержании дефиниций «этнос» и «нация» был поставлен лишь XIX – начале XX столетия. Его решение стимулировали, с одной стороны, нарастающий процесс образования в Европе, Азии и Америке национальных государств, связанный, главным образом, с распадом Османской, Австро-Венгерской и Российской империй. А с другой, – попытки теоретического обобщения большого исторического, археологического и собственно этнографического материала, завершившиеся формированием социологии, культурной антропологии, этнологии, этнопсихологии, в составе которых термины «этнос» и «нация» перманентно меняли свое содержание. Остановимся подробнее на этом процессе, первоначально сосредоточив внимание на ведущих философских школах XIX столетия – классическом марксизме, его последователях и оппонентах.

Согласно классическому марксизму, лишь благодаря развитию капитализма в Европе появляется социальная мобильность и растущее общение, ведущее к процессу интеграции и образованию новых исторических общностей: происходит окончательная консолидация наций. При этом экономические связи капитала возможны лишь как связи национальные, когда в национальный рынок вовлекаются, с одной стороны, уже существующие нации, «даже самые варварские нации», а с другой стороны, буржуазия, реализуя свои экономические интересы, конституируется в национальный класс: уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. «Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей» [17, с. 428].

Акцент на объективной (социальной и экономической) детерминации становления буржуазного государства и европейских наций – сильная сторона классического марксизма, до сих пор оказывающая значительное влияние на умы его последователей и оппонентов. Его слабостью оказалось недостаточное внимание к «культурной составляющей» человеческой истории: будучи отнесены к «надстройке» и «формам общественного сознания» религия, искусство, наука, язык и даже государство, действительно оказались «вторичными» и в составе классического марксистского дискурса, в пределах которого «нация» трактуется, прежде всего, как социально-экономическая и политическая общность.

Одними из первых на эту односторонность марксистской трактовки указали основоположник позитивной философии и социологии Дж. Стюарт Милль и известный историк религии Эмиль Ренан, обратившие внимание на важную роль в процессе формирования наций (национальностей) именно культурных компонентов, под воздействием которых формируется и функционирует «национальное сознание» и «самосознание».

Милль, в частности, характеризовал нацию таким образом. Часть человечества, писал он, образует «национальность», когда входящие в нее люди объединены общими чувствами, каких нет между ними и другими людьми. Причем это общее всем «чувство национальности» может быть вызвано различными причинами: иногда все дело в тождестве расы или происхождения, иногда объединению людей могут содействовать общность языка и общность религии, а иногда – и географические границы общего проживания. Но наиболее важными нациеобразующими факторами, полагает Милль, являются общность политической судьбы, «общая национальная история и основанная на этом общность воспоминания, общие гордость и унижение, радость и страдание, связанные с сообща пережитым в прошлом» [18, с. 275].

Если Милль решающим фактором образования наций считал «национальное чувство», то Э.Ренан такую же роль приписывал «воле» и «солидарности», а также тому, что в последствии будет названо «национальным воображением». Согласно его определению, «нация есть... великая солидарность как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, кои в будущем еще будут принесены. Нация предполагает прошедшее; в настоящем она его повторяет... ясно выраженным согласием, желанием продолжать жить

сообща. Существование нации... есть ежедневный плебисцит» (*un plebiscite de tous les jours*) [19, с. 39].

Это определение Ренана, ставшее впоследствии классическим образцом так называемых «субъективных» определений нации, вместе с тем было достаточно узким, не учитывающим влияние более широкого, «цивилизационного», контекста: социокультурных условий, в которых объективно сосуществуют и развиваются «этносы» и «нации». Помимо «здорового смысла», на важность учета этого обстоятельства указывали и данные исторических, этнографических и этнологических исследований, социально-философское обобщение которых привело к пониманию «нации» как преимущественно «культурной общности».

В качестве одного из основоположников такого понимания нации можно считать Ф.И. Неймана. В своем труде «Народ и нация» (1888) он определял нацию как значительную группу народонаселения, которая в результате высоких и самобытных культурных достижений «обрела общую самобытную сущность, переходящую в обширных областях от поколения к поколению». В том же духе позднее напишет и А. Виркандт: «Основой общности, само собой разумеется, и в этом случае является не кровь (принимая во внимание многочисленные смешения), а культура» [24, с. 318]. Замечание Виркандта направлено против вульгарно - материалистических трактовок «нации», которые здесь, в силу их антинаучности, рассматриваться не будут. Тогда как понимание «нации» в качестве культурной общности имеет под собой серьезные эмпирические и теоретические основания, разработкой которых, начиная со второй половины XIX столетия, занимались сначала эволюционная, а затем диффузионистская и функционалистская школы в социологии и этнологии, влияние которых не утрачено и до сего дня.

О них речь пойдет далее. А пока заметим, что подчеркивание определяющей роли в формировании наций «национального характера», «самосознания» и, шире, «культуры» было характерно не только для западноевропейской философской и социологической мысли. Независимо от них с аналогичными, иногда более глубокими, идеями выступали и российские социальные философы (Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н. Бердяев и др.), пристально следившие за тем, как идет образование национальных государств в Европе и куда, в этой связи, движется Россия [См.: 7, 9, 10, 11, 12, 15]. Уже в начале XX века большинство из них открыто (в сборнике «Вехи») противопоставили себя радикальному крылу российского марксизма. Последний после революции 1905 года и накануне первой мировой войны переживал не лучшие времена, и, сосредоточив силы в «национальном вопросе» на борьбе с австромарксизмом, пытался выработать программу национальной политики большевизма.

В Австро-Венгрии, империи, где ряд национальностей подвергались угнетению, интересы политической борьбы (также как и в России) диктовали австрийским социал-демократам необходимость создания собственной программы решения «национального вопроса». У истоков ее стояли видные теоретики II Интернационала Карл Реннер и Отто Бауэр. В своей книге «Национальный вопрос и социал-демократия» (1907) Бауэр разработал собственное понимание нации как «культурной общности», которая выражается в «общности характера» народа, возникающего в истории из «общности его судьбы». Благодаря такой общности судьбы и действию механизма национальной апперцепции любое новое представление или же культурная ценность воспринимаются и осознаются (апперципируются) каждым человеком сообразно его национальной сущности. Говоря о собственном «духовном Я» нации, Бауэр к национальному характеру относил и особый уклад (*Bestimmtheit*) воли: «В каждом акте познания воля проявляется во внимании, из целого ряда явлений, данных опытом, внимание останавливается лишь на некоторых и только их апперципирует...» [1, с. 113]. Нация апперципирует, подчеркивал он, сообразно какой-то активной психологической деятельности, которая и составляет ее «душу». Тем самым, в сущности, Бауэр неявно постулирует некий мистический национальный дух, который, будто бы, управляет всей историей нации, сохраняя неизменной ее сущность. В итоге автор приходит к следующему определению нации: «Нация есть совокупность людей, общностью судьбы сплоченных в общность характера» [1, с. 159].

Поскольку Бауэр редуцировал «нацию» к «общности характера», он, естественно элиминировал из своей концепции марксистский постулат об определяющей роли

буржуазных экономических отношений в формировании наций. В его понимании нация существовала как «форма» уже в первобытном обществе, поскольку в нем имела место культурная общность. Исходя из этого, он заявил о том, что «общность культуры, покоящаяся на общности происхождения, объединяет всех германцев в одну нацию» [1, с. 36]. Лишь позже, с развитием частной собственности на средства производства, «германская нация» утрачивает свое культурное единство и распадается на племена. С разделением на классы и утратой культурного единства она создается лишь той частью народа, которая представляет собой культурное сообщество, - феодалами в средние века, образованными людьми в раннекапиталистическую эпоху и буржуазией в эпоху подъема капитализма. Бауэр пишет об этом так: «Общность *рыцарской культуры впервые объединила господствующие классы всех немцев*, впервые сплотила немцев в нацию» [1, с. 50]. И только современный капитализм, по мнению Бауэра, приводит к восстановлению более широкой национальной культурной общности, причем полного развития она может достигнуть только при социализме.

С критикой такого подхода выступил Карл Каутский. Но на замечания Каутского об определяющей роли политических и экономических факторов в процессе образования современных национальных государств и, соответственно, наций Бауэр ответил, что базовой основой нации является культурная общность составляющих ее людей. «Для того чтобы понять образование современных наций, следует рассмотреть этот процесс возрождения культурного (и, следовательно, языкового) единства нации» [1, с. 796].

Ортодоксального марксиста В.И. Ленина такая, в его понимании «идеалистическая», концепция наций устроить не могла, и он резюмировал позицию Бауэра как "национальный оппортунизм". В 1912-1914 годах в РСДРП развернулась широкая дискуссия по национальному вопросу, в которой, помимо Ленина, активное участие приняли также Ф.Э. Дзержинский, Б.М. Кнунянц, С.Г. Шаумян и И.В. Сталин. Последний выпустил, получившую в партии большой резонанс, серию статей «Национальный вопрос и социал-демократия», изданных в 1914 году отдельной брошюрой «Национальный вопрос и марксизм», и позднее опубликованную в его сочинениях под названием «Марксизм и национальный вопрос». В этой работе Сталин сформулировал следующее, на долгие годы ставшее в СССР каноническим, определение нации: **«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»**. [20, с. 296].

Незначительной ревизии это определение было подвергнуто лишь в 1960-1970 годах после знаменитой дискуссии об «азиатском способе производства» и уточнении содержания понятия «общественно-экономическая формация» в работах Н.А. Берковича, Ю.В. Бромлея, Т.Ю. Бурмистровой, Ю.Ю. Вейнгольда, М.С. Джунусова, А.В. Ефимова, А.А. Исупова, М.Д. Каммари, Н.М. Киселева, Л.М. Князева, И.С. Кона, П.М. Рогачева, М.А. Свердлина, П.Н. Федосеева, А.И. Холмогорова, Н.Н. Чебоксарова. И хотя в некоторых из этих работ были получены имеющие научную значимость результаты, в целом отечественное обществознание, вплоть до начала 1990-х годов, оказалось выключено из магистральной линии международного теоретического дискурса о нациях и национализме, проигрывая в объективности и качестве зарубежным исследованиям [10, 11, 15].

Следует иметь в виду, что различные трактовки содержания понятия «нация», концепции происхождения и эволюции наций, выдвинутые западноевропейскими и российскими философами, теоретиками марксизма, складывались не только под влиянием используемых ими ведущих философских и социально-политических теорий исторического процесса, но и в значительной мере были результатом обобщений данных и выводов этнографии, антропологии и этнологии. Во второй половине XIX столетия эти дисциплины переживали период бурного роста. И хотя четких границ между ними установлено не было, в каждой из них были получены результаты, позволившие создать довольно стройные концепции происхождения, взаимодействия и развития этносов, не утративших значения до сего дня. Рассмотрим подробнее этот процесс, концентрируя основное внимание на теориях, принадлежащих к двум наиболее влиятельным научным направлениям XIX – начала XX столетия – «эволюционизма» и «диффузионизма».

Напомню, что эволюционизм сначала в качестве идеи, а затем и в качестве междисциплинарной концепции зародился еще в XVIII веке. Его успехи связаны с работами Л. Окенема, и, особенно, Ж.Ламарка, предположившего, что виды живых существ в процессе развития приобретают свойства, позволяющие им приспосабливаться к окружающей среде, а эти свойства передаются последующим поколениям путем наследования. В этнологии одним из старейших представителей этого направления был Г.Клемм, который в 1843–1847 годах опубликовал свою пятитомную «Общую историю культуры человечества». Вслед за ним австрийский юрист и историк И.Унгер выпустил (1850) в свет свой основной труд «Брак и его всемирно-историческое развитие». И, наконец, в 1859 году Т. Вайц публикует свою «Антропологию диких народов», где делает попытку объединить антропологические, психологические и культурно-исторические точки зрения, ставя перед новой наукой задачу – исследовать основные направления догосударственного периода развития человечества с тем, чтобы подготовить «естественную основу истории».

По мнению большинства исследователей, Г.Клемм, Т.Вайц и И.Унгер могут быть признаны пионерами эволюционистского образа мыслей в этнографии. А их последователям, английским этнологом Э.Тайлору, Дж. Мак-Леннану и Дж. Лаббоку, принадлежит заслуга первыми и почти одновременно представить уже завершенные эволюционистские концепции.

В Германии становление эволюционизма было связано с именами О.Пешеля, А. Бастиана и И.Липперта. В частности, Бастиан, в работе «Общие основания этнологии» (1871) исходил из так называемой «клеточной» теории культуры, которую он сочетал с концепцией географических провинций. По его мнению, «клетки» культуры (которые исследователь трактовал как «элементарные идеи», первичные культурные элементы) в случае одинаковых условий жизни всех первобытных людей должны были бы быть идентичными повсюду на Земле. Именно они, якобы, лежали в основе всех последующих этнокультурных трансформаций, которые реально осуществлялись в различных «географически провинциях» земного шара в виде «этнических идей», являющихся модификациями «элементарных идей». Бастиан надеялся, что, реконструировав «клетки», ему, таким образом, удастся свести все этнокультурное многообразие к нескольким основным элементам, которые в его системе представляли собой своего рода гипотетическую первобытную культуру человечества.

В отличие от Европы, где эволюционистские концепции росли как грибы, в США эволюционизм распространялся сравнительно медленно. Первой работой, основывавшейся на эволюционистском подходе, стала работа Л.Моргана «Системы родства и свойства», опубликованная им еще в 1858 году. Но основное значение, конечно, имела фундаментальная монография «Древнее общество» (1878), на основе которой Ф.Энгельс написал свою еще более знаменитую работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Если суммировать основные методологические идеи этнологических концепций эволюционистского толка, то их можно свести, по меньшей мере, к пяти постулатам:

1. История человечества есть непрерывный прогресс, представляющий собой прямолинейный процесс перехода от простого ко все более сложному и подчиняющийся единым универсальным законам развития.

2. Ее началом следует считать некое исходное «первобытное общество», которое имело единые для всех народов социальные, культурные и экономические модели развития.

3. Этногенез мыслится преимущественно как культурное развитие народа (народов), точнее – развитие его (их) культуры. Его основой является первичная культура (культурная целостность), элементы которой так или иначе представлены в каждой культуре. Поэтому развитие культуры каждого этноса происходит в соответствии со стадиями и ступенями, едиными для всех культур в мире.

4. Схожесть тех или иных культур объясняется тем, что все люди имеют примерно одни и те же умственные способности, и в сходных ситуациях будут принимать одни и те же решения. Наличие или отсутствие контактов между культурами принципиального значения не имеет.

5. Современные бесписьменные (примитивные) народы рассматриваются как пережиток древних времен. Предполагалось, что изучение их культур ведет к реконструкции культуры «первобытного общества» в целом.

По мере дальнейшего развития науки и накопления новых эмпирических данных к концу XIX века все чаще стали обнаруживаться слабые стороны эволюционистской парадигмы, находясь в пределах которой этнологам и антропологам не удавалось удовлетворительно объяснить многие факты. Новый обширный этнографический материал во многих случаях не согласовывался с эволюционистскими схемами. Начались поиски новых путей в исследованиях культур, их изменения и распространения. Так возникла парадигма диффузионизма, в основу которой была положена идея не о линейном прогрессе, а о неизбежной диффузии (взаимопроникновении) культур в процессе миграции этносов (народов).

Именно в больших и малых передвижениях (переселениях) народов автор «Антропогеографии» (1909), основоположник диффузионизма Ф. Ратцель и его последователи (Ф. Гребнер, Э. Норденшельд, Э. Фробениус, Г. Элиот-Смит и др.) усматривали источник распространения культуры (культур) или ее (их) элементов из одного или нескольких центров. Исследовательская цель ученых-диффузионистов состояла в точном показе пространственного распространения культур или отдельных культурных элементов, в выявлении областей их происхождения, реконструкции путей перемещения элементов культуры и определения временных рамок этого перемещения.

В рамках парадигмы диффузионизма существовало несколько научных направлений. *Историко-географическое* (в значительной степени связанное с именем Э. Норденшельда, основная работа которого «Сравнительные этнографические исследования» вышла в 1919 году) стремилось, на основе изучения этнических культур, показать временную последовательность культурного развития. *Гелиолетическое* выводило все письменное культурное развитие человечества из Древнего Египта. А концепция «культурных кругов» сводила развитие первобытного общества к нескольким первоначальным культурным кругам, каждый из которых характеризовался определенным набором специфических культурных элементов. На основании этого ранняя культура человечества приравнивалась ко всей совокупности культурных кругов, а последующие этнические варианты культуры могли возникнуть лишь в результате миграций и смешений.

Наиболее полно концепция культурных кругов была разработана в исследованиях Л. Фробениуса и Г. Элиот-Смита, основная работа которого «Культура» увидела свет в 1925 году. Но вне зависимости от направлений, общими для всех концепций диффузионизма были: а) географическая привязка происхождения культурных элементов к определенным регионам, откуда они затем распространялись по планете и б) понимание развития культуры как результата заимствований, переносов и смешений ее элементов. Культура в целом, считали этнологи-диффузионисты, изменяется за счет пространственного перемещения культур отдельных народов и их элементов. Причем это перемещение затрагивает не только предметы материальной культуры, но и отдельные идеи самого разного типа (религиозные, художественные и т.д.), а также целые системы идей: идеологии и мифологии.

Завершая наш, поневоле краткий, обзор трансформации содержания понятий «этнос» и «нация» в философии и общественных науках XVII–XIX века, следует еще раз отметить, что за этот период содержание терминов менялось неоднократно. В зависимости от профессиональной принадлежности и исходной философской позиции исследователей понимание природы и эволюции этих исторически сложившихся, устойчивых общностей людей трактовалась по-разному. В качестве сущностных признаков этносов и наций объявлялись то единство «естественных» условий жизни народов, то единство их хозяйственно-экономических связей, то «языка» и «культуры», а чаще всего – «народный» или «национальный» дух (сознание), активность которого, будто бы, интегрирует людей в этносы и нации. Попытки же выработать некое универсальное и потому приемлемое для всех определение дефиниций также не увенчались успехом.

В итоге многие специалисты пришли к выводу: поскольку дать точное понятийное определение «этносу» и «нации» невозможно, их предпочтительно вообще элиминировать из категориального состава обществознания. С таким предложением выступил, например, в

1920 году Питирим Сорокин. Спустя тридцать лет к аналогичному выводу пришел Г. Кон, заявивший, что хотя некоторые реальные факторы (территория, государство) имеют большое значение для образования наций, тем не менее, объяснить ими существование нации нельзя, тем - более дать ее «точное понятийное определение» [23, S. 34, 37].

Тем не менее изучение этносов и наций было продолжено в рамках структурно-функционального направления социологии (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Т. Парсонс), интересно трансформировавшись затем в концепциях Г. Кона и Лудтца, предложивших различать этносы и нации по плотности коммуникационных и информационных связей внутри этих сообществ. Одновременно, в 1950–1970 годы, продолжали развиваться *натуралистический (примордиалистский), социальный* (в его социоэкономической, политической и культурной версиях) и *субъективно- символический* подходы к изучению этносов и наций. Но ни одна из концепций не смогла предложить критерии, с помощью которых можно было бы точно отличать нации от этносов. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов.

Не случайно, что вслед за П. Сорокиным уже в середине XX века некоторые исследователи (Э. Карр, Г. Кон, Х. Сетон-Уотсон и др.) либо отказывались дать точное понятийное определение «нации», либо предлагали считать его пустой дефиницией, а то и просто «продуктом веры». Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 году британскому обществоведо Эрнесту Геллнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи.

В начале 1980-х годов этот принцип осознанного политического конструирования основных европейских наций, основательно подкрепленный анализом истории становления западно-европейских «национальных государств», получил развернутое теоретическое обоснование сначала в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, К. Дойча, Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, а чуть позже – в исследованиях Энтони Д. Смита, М. Шадсона, Э. Эриксона и некоторых других зарубежных авторов. Так, к началу последнего десятилетия XX века (помимо уже указанных подходов) окончательно сформировались *социально-конструктивистское* направление исследований, включившее в себя *модернистскую и постмодернистскую* («когнитивно – лингвистическую») версии социального конструктивизма. Если первая акцентировала внимание на целенаправленных усилиях государства и его политических элит в формировании наций, то вторая в очередной раз предложила сменить «теоретическую оптику» и взяв на вооружение «парадигму стратегического релятивизма» [16] подвергнуть критике (путем «деконструкции») «язык» (понятийный аппарат) традиционных исследований рас, классов, этносов, наций и национализма.

Ведущими представителями этого направления являются Роджер Брубейкер, Фредерик Купер, Мара Лавмэн, Петр Стаматов, Дэвид Лэйтон и некоторые другие авторы. Методологические и философские основания их позиции, повторю, можно охарактеризовать как когнитивно-лингвистический конструктивизм и релятивизм, изрядно приправленный методологией инструментализма. Они позволяют авторам не только «объяснить упорное отстаивание группизма на практике», но и утверждать, что «расовые, этнические и национальные группы следует трактовать не как субстанциальные сущности, а как коллективные культурные репрезентации, как широко распространенные способы рассмотрения, понимания, анализа социального опыта и интерпретации социального мира» [2, с. 152]. Эпистемологическая подоплека этого взгляда состоит в «переносе внимания аналитиков на «создание групп» и «группирующие» деятельности, такие как классификация, категоризация и идентификация» [2, с. 153]. Именно эти когнитивные процедуры – и прежде всего «категоризация» населения, осуществляемая спонтанно индивидами, государствами и организациями, - создают «группы» и «приписывают» к ним членов. И вне этих многочисленных и повсеместных актов категоризации группы не существуют. *«Раса, этничность и национальность, - утверждает Брубейкер, - существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях – и только через них. Они не вещи-в*

мире, а точки зрения на мир, не онтологические, а эпистемологические реальности» [Там же].

Разумеется, протест Бребейкера против наивного реализма и отмечаемая им зависимость содержания знания от языка исследования, испытывающего влияние культурно-исторического и социального контекста, не могут вызвать возражений. Социальная реальность действительно конструируется не только посредством образующих теории и парадигмы категориальных сетей и методов исследования, но и в процессе нагруженных культурными смыслами восприятия и вербальной активности субъекта. Но констатация этого обстоятельства не снимает, а лишь актуализирует вопрос о наличии некоторого независимого (объективного) от субъекта содержания научного и вненаучного знания. Именно эта проблема, по моему мнению, осознанно выносится «за скобки» рассуждений сторонниками когнитивно-лингвистической версии социального конструктивизма, придерживающихся, в зависимости от предпочтений, релятивистской, конвенционалистской или прагматической концепций истинности социального знания.

На излете XX века парадигма стратегического релятивизма оказала значительное влияние на отечественных исследователей (В.А. Тишкова, В. С. Малахова и др.), из рядов которых раздались призывы «забыть» об «этнотах» и «нациях». Последние было предложено понимать не иначе как «категории политической практики», используемые националистами для достижения своих целей [21, с. 3-26]. Между тем в современных исследованиях, обращающих внимание на то, что принадлежность к нации определяется человеком в процедурах самоидентификации, «нация» понимается не как «группа», а как «социальная общность». То есть – связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего *социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве*. Последнее совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и государственной системы образования формирует у людей воображаемый ими образ «нации» («России», «Франции» и т.д.) и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями [8, 13, 14].

Возможно, понятие «нация» или понятие «этнос» не имеют высокой инструментально-аналитической ценности. Но это не повод от них отказываться. Они могут быть продуктивно использованы в междисциплинарных концепциях большой степени общности. Тем более не следует квалифицировать их как «фиктивные понятия», созданные исключительно в процедурах культурной репрезентации социального мира.

Примечания:

1. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. / Пер. с английского И. Борисовой. М., 2012.
3. Гегель Г. Сочинения. Т. III. М., 1956.
4. Гегель Г. Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935.
5. Гегель Г. Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3, М., 1977.
6. Гегель. Конституция Германии // Политические произведения. М., 1978.
7. Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб.: Экспертные решения, 2014. 240 с.
8. Гранин Ю.Д. Модернизация России: без науки и образования? // Вестник РАН. 2010. № 11.
9. Гранин Ю.Д. Станет ли Россия "национальным государством"? // Вопросы философии. 2011. № 1.
10. Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. М.: РУСНИКА, 2014. 362 с.
11. Гранин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. Опыт социально-философского исследования. М.: МЕДИАИНДУСТРИЯ, 2013. 282 с.
12. Гранин Ю.Д. Проекты грядущего мирового порядка: между "национальным" и "космополитическим" // Вестник Российской Академии Наук. 2012. Т.82. №9. С. 807-813.
13. Гранин Ю.Д. Образование в контексте глобализации // Высшее образование в России. 2004. №12. С.112-116.

14. Гранин Ю.Д. Станет ли Россия «национальным государством» // Вопросы философии. 2011. №1.
15. Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации. Опыт философско-методологического исследования. М., 2007.
16. Гранин Ю.Д. Парадигма "стратегического релятивизма" и исчезновение "групп" // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. №1. С. 33-39.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М., 1967.
18. Милль Дж. Стюарт. Представительное правление. СПб., 1907.
19. Ренан Э. Что такое нация. СПб., 1886.
20. Сталин И.В. Соч. Т. 2. М., 1946.
21. Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3-26.
22. Хабермас Юрген. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
23. Kohn H. Die Idee des Nationalisms. Ursprung und Geschichte bis zur franzosischen Revolution. Heidelberg, 1950.
24. Vierkandt A. Gesellschaftslehre. Hauptprobleme der philosophischen Soziologie. Stuttgart, 1923.

References:

1. Bauer O. Natsional'nyi vopros i sotsial-demokratiya. SPb., 1909.
2. Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp. / Per. s angliiskogo I. Borisovoi. M., 2012.
3. Gegel' G. Sochineniya. T.III. M., 1956.
4. Gegel' G. Sochineniya. T.VIII. M.-L., 1935.
5. Gegel' G. Filosofiya dukha // Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3, M., 1977.
6. Gegel'. Konstitutsiya Germanii // Politicheskie proizvedeniya. M., 1978.
7. Granin Yu.D. Natsional'noe gosudarstvo. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee. SPb.: Ekspertnye resheniya, 2014. 240 s.
8. Granin Yu.D. Modernizatsiya Rossii: bez nauki i obrazovaniya? // Vestnik RAN. 2010. № 11.
9. Granin Yu.D. Stanet li Rossiya "natsional'nym gosudarstvom"? // Voprosy filosofii. 2011. № 1.
10. Granin Yu.D. Natsional'noe gosudarstvo v globaliziruyushchemsya mire. M.: RUSNIKA, 2014. 362 s.
11. Granin Yu.D. Globalizatsiya, natsii i natsionalizm. Istoriya i sovremennost'. Opyt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya. M.: MEDIAINDUSTRIYA, 2013. 282 s.
12. Granin Yu.D. Proekty gryadushchego mirovogo poryadka: mezhdru "natsional'nym" i "kosmopoliticheskim" // Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk. 2012. T.82. №9. S. 807-813.
13. Granin Yu.D. Obrazovanie v kontekste globalizatsii // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2004. №12. S.112-116.
14. Granin Yu.D. Stanet li Rossiya «natsional'nym gosudarstvom» // Voprosy filosofii. 2011. №1.
15. Granin Yu.D. Etnosy, natsional'noe gosudarstvo i formirovanie rossiiskoi natsii. Opyt filosofsko-metodologicheskogo issledovaniya. M., 2007.
16. Granin Yu.D. Paradigma "strategicheskogo relyativizma" i ischeznovenie "grupp" // Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh. 2014. №1. S. 33-39.
17. Marks K., Engel's F. Soch. T. 4. M., 1967.
18. Mill' Dzh. Styuart. Predstavitel'noe pravlenie. SPb., 1907.
19. Renan E. Chto takoe natsiya. SPb., 1886.
20. Stalin I.V. Soch. T. 2. M., 1946.
21. Tishkov V.A. Zabyt' o natsii (Postnatsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma) // Voprosy filosofii. 1998. № 9. S. 3-26.
22. Khabermas Yurgen. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii. SPb., 2001.
23. Kohn N. Die Idee des Nationalisms. Ursprung und Geschichte bis zur franzosischen Revolution. Heidelberg, 1950.
24. Vierkandt A. Gesellschaftslehre. Hauptprobleme der philosophischen Soziologie. Stuttgart, 1923.

УДК 1

Эволюция понятия "нация" и его современные трактовки

Юрий Дмитриевич Гранин

Институт философии РАН, Академия медиаиндустрии, Российская Федерация.

Доктор философских наук, профессор

E-mail: maily-granin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются эволюция понятий «этнос» и «нация» в истории европейской философии и науки XVII – начала XX столетий, выявляются философские основания и исследовательские парадигмы концепций происхождения и эволюции этносов и наций. Подробно анализируются натуралистический (примордиалистский), антропологический, политический, социентальный (в его социоэкономической и культурной версиях), субъективно-символический и этносимволический подходы к изучению этносов и наций, рассматриваются их достоинства и недостатки. Особое внимание автор уделяет критике парадигмы современного "стратегического релятивизма", адепты которой предложили отказаться от понятия "нация".

Ключевые слова: антропология; нация; этнос; философия; этнопсихология.